

**О ЮРЕНЕВ В. Н. — в ПОМПОЛИТ,
ПЕШКОВОЙ Е. П.**

ЮРЕНЕВ Владимир Николаевич, родился в 1890-х. Получил высшее юридическое образование. Проживал с женой в Твери, с 1918 — работал юристом в учреждении. В декабре 1929 — арестован, в начале января 1930 — приговорен к 3 годам ссылки¹ и 10 января отправлен в Северный край.

В феврале 1930 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью его жена, Е. Юренева.

<9 февраля 1930>

«Уважаемая Екатерина Павловна, простите за мою навязчивость, но не могу. Моего мужа я знаю уже больше 20-ти лет. Еще бывши даже студентом, он и тогда уже из-за любви к книгам сильнее пострадал, — т<ак> к<ак> присылаемые из дому деньги тратил не на еду, а на книги и заболел так, что больше года был пригвожден к кровати и хронически теперь страдает пожизненно. Вообще, с самого раннего возраста интересовался исключительно книгами, марками, открытками и никогда политикой. Его 12-ти лет<няя> уже советская служба показывает его безукоризненно добросовестное отношение к делу. Раньше он вел исключительно гражд<анские> д<ела>, а последнее время работал даже не по своей специальности, и с Уг<оловным> Код<ексом> он столкнулся сейчас впервые. Последние 2 года в особенности у нас были очень тяжелыми, так как приходилось часто существовать только на пособие, и вот тут в этот период нужды, муж мой, соблазнившись гонораром, взял редактировать рукопись, но просмотрев, вернул обратно, убедившись, что это бред глупца-сумасшедшего, и забыл, не придав этой рукописи никакого значения — ведь человека этого он совсем не знал, и разве мог он предположить, что можно доверить серьезное дело неизвестному, мало знакомому шапочно человеку. Мой муж совершенно больной, слабый человек и своей 12-ти летней службой доказал свою безукоризненную жизнь — аполитичность — а, следовательно, социально он не является опасным, за что же теперь, когда внутренней связи с задуманным или готовящимся преступлением нет совершенно, его слабого, больного вырывают от семьи, которой он отдал все свободное от службы время. Он не может жить без посторонней помощи — присмотра родного человека — у него хронический катар кишок.

Умоляю Вас о ходатайстве и смягчении ему поселением концлагеря, чтобы я могла быть с ним. Он не заслужил такого жестокого наказания, за ним ведь только "недонесение" — почему, почему же его судили как организатора. Ведь и Военный прокурор сказал мне, что у него только "недонесение", чтобы я не волновалась, "дадут ему -6 или не разрешат жить в Твери", и вдруг — за что? Почему?

Умоляю.

С уважением Е. Юренева»².

4 марта 1930 — Владимир Николаевич Юренив при этапировании на место ссылки скончался в Сольвычегогорске. В мае 1930 — его жена Е.Н. Юренева, получившая информацию о смерти мужа, вновь просила помощи Екатерины Павловны Пешковой.

<4 мая 1930>

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 483. С. 87-88.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 525 а. С. 118-119. Автограф.

«Общество Красного Креста Помощи
политическим заключенным

от Е.Н. Юреновой, проживающей
в г<ороде> Твери Смоленская
ул<ица>, д<ом> № 26

Многоуважаемая Екатерина Павловна, прошу Вашего содействия и помощи, чтобы получить вещи, оставшиеся после смерти мужа моего, Владимира Николаевича Юренева, высланного 10 янв<аря> с<его> г<ода> и умершего 4 марта в Сольвычегодске (Новиковс<кий> с<ельский> с<овет>). Вещи являются драгоценной памятью для нас — меня и детей об отце.

Несмотря на мои запросы туда к уполномоченному СЕВЛОНА — ответа я не получила.

Прошу очень, очень помочь мне в этом или указать, как и к кому нужно обратиться.

С благодарн<остью>и уважением
Е. Юренева.

4 мая 1930 года
Прилагаю марку»³.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 525 а. С. 116. Автограф.